

Тихомиров П. В. Из юношеских идеалов Шиллера. К столетию со дня его смерти † 27 апреля 1805 г.: [Дружба в изображении Шиллера. Философский комментарий к трагедии «Дон Карлос»] // Богословский вестник 1905. Т. 2. № 6. С. 279–292 (2-я пагин.).

ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ИДЕАЛОВЪ ШИЛЛЕРА († 27 АПР. 1805 Г.).

Къ столѣтію со дня его смерти.

ДРУЖБА ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ШИЛЛЕРА.

(Философскій комментарий къ трагедіи „Донъ Карлосъ“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

26 апрѣля 1905 года по старому стилю исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти знаменитаго нѣмецкаго поэта, чрезвычайно популярнаго и у насъ въ Россіи и за границей, Фридриха Шиллера († 27 апр. с. с.—9 мая н. с. 1805 г.), котораго называютъ иногда нѣмецкимъ Софокломъ. Юбилей этотъ торжественно отпразднованъ не только въ Веймарѣ, ставшемъ роднымъ городомъ Шиллера, но и во всѣхъ крупныхъ центрахъ Германіи и другихъ культурныхъ странъ. Шиллера помнятъ и цѣнятъ не только какъ одного изъ величайшихъ художниковъ, но и какъ философа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пламеннаго борца за идеалы свободы, за права личности. Въ послѣднемъ отношеніи онъ и до сихъ поръ если не остается въ полномъ смыслѣ слова вдохновителемъ, то, во всякомъ случаѣ, даетъ наилучшую форму для провозглашенія и выраженія тѣхъ „освободительныхъ“ порывовъ, какими проникнуты и живутъ лучшіе, передовые люди странъ, подобныхъ, на примѣръ, нашему отечеству,—странъ, для которыхъ мечты и идеалы Шиллера все еще остаются пока только мечтами и идеалами. Едва ли чѣмъ вѣрнѣе, нежели тирадами изъ „Разбойниковъ“, „Донъ Карлоса“ и т. п., политическая декламация нашихъ дней можетъ зажигать сердца

обширныхъ аудиторіи и митинговъ. Поэтъ, философъ и политическій проповѣдникъ (публицистъ)—вотъ три стороны, съ которыхъ прежде всего приходитъ въ голову обсуждать значеніе Шиллера въ посвящаемой ему юбилейной статьѣ.

Каждая изъ этихъ характеристикъ имѣетъ свою несомнѣнную цѣнность и всѣ три вмѣстѣ даютъ довольно полное представленіе о чувствуемой личности. Но не трудно понять, что не только такая всесторонняя оцѣнка не можетъ быть съ надлежащей научной удовлетворительностью выполнена въ рамкахъ предположеннаго нами небольшого общедоступнаго этюда, но и каждая въ отдѣльности изъ указанныхъ составныхъ частей ея, при громадности Шиллеровской литературы, накопившейся за сто слишкомъ лѣтъ, потребовала бы для своей обработки гораздо больше времени и гораздо большого объема изслѣдованія, чѣмъ сколько мы въ состояніи посвятить этому. По необходимости ограничивая и суживая свою задачу, мы приходимъ къ тому, чтобы выбрать для обсуждения изъ подлежащаго намъ громаднаго матеріала какой-нибудь небольшой сюжетъ, достаточно однако характерный для воспоминаемаго поэта, и обработать его съ такой точки зрѣнія, при которой не представлялось бы существенно нужнымъ вдаваться въ историческія и литературно-критическія экскурсіи.

Этимъ условіямъ вполнѣ удовлетворяетъ избранная нами тема—о возрѣніяхъ Шиллера на дружбу, какъ они выразились въ его трагедіи „Донъ Карлосъ“. И въ личной жизни Шиллера дружба играла очень большую роль, а еще того болѣе—въ его нравственномъ міровозрѣніи. Его по справедливости можно назвать (и называютъ) энтузіастомъ дружбы. Такой дружбы, какая существуетъ между Карлосомъ и маркизомъ Позой, Шиллеръ жаждалъ съ самыхъ раннихъ поръ своего дѣтства. Въ томъ возрастѣ, когда писался и издавался „Донъ Карлосъ“ (отъ 23 до 29 лѣтъ), она вполнѣ еще оставалась его пламенной мечтой и насущной потребностью¹⁾. Знакомясь съ его идеями объ этомъ предметѣ, мы входимъ, такъ сказать, въ самое святилище его личной жизни и личныхъ идеаловъ. Слѣдовательно, о томъ, что предметъ этотъ

¹⁾ Vgl. J. Minor, Schiller. Sein Leben und seine Werke. B. II. Berlin. 1900 S. 551.

достаточно характеренъ для воспоминаемаго поэта, не можетъ быть никакого спора. Но и помимо этого, до нѣкоторой степени внѣшняго, основанія—и по существу дѣла данный предметъ и трактація его Шиллеромъ представляетъ очень большой морально-философскій (если угодно,—даже практический) интересъ. Послѣдній мы рѣшаемся поставить даже выше интереса его политической проповѣди или, во всякомъ случаѣ, на ряду съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь политическія мечты нашего поэта для многихъ странъ сдѣлались уже анахронизмомъ, а недалеко то время, когда таковымъ онѣ станутъ почти повсюду: на соотечественниковъ Шиллера уже мало производитъ впечатлѣнія его краснорѣчивое исповѣданіе гражданскихъ чувствъ, заставляющее наши сердца сильнѣе биться; но только,—кто знаетъ?—очень ли намъ далеко до нѣмцевъ? Это принадлежитъ къ числу вещей, которыя, будучи разъ пріобрѣтены, начинаютъ такъ же мало замѣчаться и цѣниться, какъ сдѣлавшійся привычнымъ хорошій воздухъ, которымъ мы дышимъ. Между тѣмъ содержаніе личной жизни и нравственные идеалы составляютъ вѣчную цѣнность, для которой социальныя и политическія условія являются лишь рамкой или ареной. Правда, отъ свойствъ этихъ рамокъ зависитъ очень многое,—иногда въ ихъ тискахъ нравственная жизнь совсѣмъ замираетъ или даже вырождается въ свою противоположность, а иногда наоборотъ, какъ то просто и само собой появляется то, о чемъ вѣками моралисты осмѣливались только бесплодно мечтать; тѣмъ не менѣе, съ принципиальной или философской точки зрѣнія абсолютной цѣнностью остаются только нравственные идеалы, политическіе же и социальныя суть цѣнности второго порядка, или относительныя. А затѣмъ,—и это особенно важно,—самое осуществленіе гражданскихъ мечтаній не пойдетъ ли быстрѣе и не будетъ ли достигаться вѣрнѣе, если факторомъ социальной эволюціи будетъ не экономической только интересъ и внѣшняя сила, а также и интересъ нравственный и сила духа? Говоря такъ, мы не забываемъ, что проповѣдь нравственнаго самоусовершенствованія, какъ панацея противъ всѣхъ жизненныхъ золъ, сильно скомпрометирована лицемѣріемъ особенно охотно хватающихся за такую проповѣдь разныхъ реакціонеровъ и обскурантовъ; но мы полагаемъ, что, во 1-хъ, злоупотребленіе извѣстнымъ средствомъ

не опорочиваетъ его законнаго употребленія, а во-2-хъ, вѣдь и разные существуютъ типы нравственности;—если квиетистически-аскетическая, пассивная нравственность можетъ оказаться на руку реакціи, располагая къ примиренію съ соціальными и политическими безобразіями, то наоборотъ, бодрая альтруистическая нравственность, активная, можетъ стать источникомъ самой благородной соціально-политической предприимчивости. Относительно подлежащаго нашему разсмотрѣнію нравственнаго идеала Шиллера (дружба) мы надѣемся въ дальнѣйшемъ изложеніи показать, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ именно благотворнѣйшихъ жизненныхъ началъ.

Г Л А В А I.

Значеніе вопроса о дружбѣ и опредѣленіе понятія ея.

Въ наше время дружба перестала быть предметомъ, привлекающимъ къ себѣ такое вниманіе писателей и мыслителей, какимъ она пользовалась въ древности и даже въ новое время, почти до половины прошлаго столѣтія, когда ей посвящались спеціальныя философскія трактаты, ее воспѣвала лирика, образцы ея выводились въ повѣстяхъ и драмахъ¹⁾. Это, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что сами люди теперь вообще стали гораздо меньше искать удовлетворенія своихъ моральныхъ и сердечныхъ потребностей въ дружбѣ. Самое имя „нѣжной дружбы“ звучитъ теперь нерѣдко пренебрежительнымъ и ироническимъ названіемъ. Другія слова заставляютъ сильнѣе биться сердца большей части современнаго культурнаго человѣчества. Только въ жизни юношества обонхъ половъ, особенно учащагося, и доселѣ еще весьма часты какъ примѣры искренней и без-

¹⁾ Изрѣдка, правда, и теперь въ литературѣ трактуется тема о дружбѣ; но эта тема въ настоящее время утратила свою прежнюю популярность: ее берутъ крайне рѣдко и неохотно, а пишутъ на нее блѣдно и не увлекательно. Прежній искренній и захватывающій читателя энтузіазмъ въ ея разработкѣ замѣнился теперь либо сухимъ и дѣловымъ обсужденіемъ (въ родѣ того, напр., какой дается въ курсѣ этики Паульсена), либо риторическимъ пустословіемъ, какимъ, напр., въ „Книжкахъ Недѣли“ (за одинъ изъ послѣднихъ годовъ существованія этого журнала) угощала читающую дублику г. Меньшиковъ.

завѣтной дружбы, такъ и случаи восторженнаго идеализированія этого чистѣйшаго и возвышеннѣйшаго изъ человѣческихъ союзовъ. Пожилые же люди,—въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда они сохраняютъ дружескія связи юности или заключаютъ таковыя вновь,—почти никогда не обнаруживаютъ той горячности чувства и той высоты нравственнаго одушевленія, какія свойственны юношеской дружбѣ. Даже болѣе того,—они почти всегда съ чувствомъ нѣкотораго какъ бы стыда и смущенія вспоминаютъ свой прежній энтузіазмъ (если только имъ есть что вспоминать), а къ проявленіямъ его въ молодомъ поколѣніи относятся съ нескрываемою насмѣшливостью ¹⁾. Неудивительно, что при та-

1) Такое отношеніе можетъ отчасти оправдываться тѣми формами, какія нерѣдко принимаетъ юношеская дружба, и тѣми не сознаваемыми психо-физическими мотивами, которые иногда обуславливаютъ ея горячность. Начинаящееся пробужденіе половыхъ инстинктовъ, вмѣстѣ съ избыткомъ силъ вообще, сообщаетъ всему поведенію юности (симпатіямъ и антипатіямъ, отношенію къ вопросамъ религіознымъ, общественнымъ, политическимъ, школьнымъ и т. п.) нѣсколько порывистый и страстный характеръ. Обыкновенно чѣмъ юнша или дѣвица нравственно чище, тѣмъ менѣе они способны познать источникъ этого страстнаго колорита всѣхъ своихъ затѣй и увлеченій и тѣмъ полнѣе и довѣрчивѣе отдаются влеченіямъ своего сердца; испорченный и развращенный юнша обыкновенно бываетъ холоднѣе, практичнѣе и расчетливѣе, — вообще, эгоистичнѣе. Вполнѣ понятно, какъ легко упомянутая страстность, присоединяясь къ дружескимъ отношеніямъ, можетъ сообщать имъ въ иныхъ случаяхъ нѣсколько двусмысленный, эротическій характеръ. Дружба приобретаетъ тогда всѣ признаки влюбленности и ухаживанья до крайнихъ проявленій ревности включительно. При этомъ, въ случаяхъ одинаковой обоюдной горячности чувства, друзья обыкновенно не замѣчаютъ этого контрабанднаго въ ихъ отношеніяхъ колорита и приходятъ въ совершенно искреннее негодованіе, если кто-нибудь со стороны имъ укажетъ на это. Но надо сказать, что это сходство юношеской дружбы съ влюбленностью молодыхъ людей разнаго пола отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать; и менѣе всего умѣстны здѣсь тѣ дикія подозрѣнія, какія позволяютъ себѣ нерѣдко присяжные и неприсяжные педагоги, вдохновляемые провинцальностью своего циничнаго и развращеннаго воображенія. Въ общемъ, эротическій элементъ въ юношеской дружбѣ никогда почти не создается отчетливо самими друзьями; онъ остается лишь скрытымъ источникомъ ихъ горячности, а эквивалентомъ его въ сознаніи всегда является извѣстная идеализація лицъ и связывающихъ ихъ отношеній и извѣстный моральный подъемъ духа. Юнша, способный къ такому идеализму, почти гарантированъ отъ распутства и отъ соблазновъ такъ называемой свободной любви. Умѣстно ли, слѣдовательно, здѣсь слово осужденія?... А за-

кой понизившейся способности современнаго человѣчества къ дружбѣ, и самое понятіе о послѣдней стало сбивчивымъ, и характеристика ея,—напр., въ курсахъ психологіи и этики,—блѣднѣе и какъ бы сдержаннѣе, чѣмъ въ литературѣ прежняго времени.

О такомъ положеніи дѣла нельзя не сожалѣть, потому что дружба, безспорно, представляетъ собою идеальную форму взаимныхъ нравственныхъ отношеній людей. И если бы вообразить себѣ общество, всѣ члены котораго связаны узами истинной дружбы, то такое общество надо бы было признать съ нравственной точки зрѣнія прямо идеальнымъ: въ немъ сами собою упразднялись бы и разрѣшались всѣ наиболѣе жгучіе и наболѣвшіе социальныя вопросы ¹⁾. Не даромъ въ золотой вѣкъ христіанской общины, къ которому мечтаютъ до извѣстной степени вернуться даже нѣкоторыя социалистическія доктрины,—въ вѣкъ, когда „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было общее“ (Дѣян. 4, 32),—психологическое основаніе для такого идеальнаго строя указывалось въ томъ же, что служить и до нашихъ дней основаніемъ всякой дружбы: „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа“ (тамъ же). Правда, нравственные идеалы, если и могутъ болѣе или менѣе полно воплощаться (что, впрочемъ, вообще трудно допустить), то лишь въ особенно - исключительныхъ случаяхъ, не надолго и въ сравнительно небольшихъ группахъ людей (имѣемъ въ

тѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что далеко не всегда, а лишь въ значительномъ меньшинствѣ случаевъ юношеская дружба, при всей своей горячности и нѣжности, принимаетъ такой замѣтно эротическій колоритъ. Въ виду этого, слѣдуетъ еще поразмыслить, утрачиваетъ ли дружба по существу дѣла,—будучи даже совершенно освобождена отъ малѣйшей примѣси физиологическихъ импульсовъ,—свою горячность и нѣжность. Не составляютъ ли послѣднія ея заковной (конститутивной) принадлежности? Не должны ли образцы юношеской дружбы служить скорѣе укоромъ пожилымъ людямъ, чѣмъ объектомъ ихъ снисходительной намѣшки?..

1) Значеніе „дружелюбія“, какъ мотива даже „хозяйственной дѣятельности“, признается и нѣкоторыми политико - экономистами (ср. проф.) *А. Исаева*. Начала политической экономіи. 4 изд. 1898 г., стр. 17 — 22. А если бы это „дружелюбіе“ стало основной формой общественныхъ отношеній (допустимъ на минуту невозможное!), то роль его, понятно, возросла бы безконечно, и самые экономическія законы и отношенія получили бы тогда совершенно иной смыслъ, чѣмъ теперь.

виду именно первохристіанскую общину); — обыкновенно же идеаль въ всякую историческую эпоху остается не достигнутымъ въ весьма большой степени. Но несомнѣнно, что фактической уровень нравственности въ извѣстномъ обществѣ всегда соотвѣтствуетъ тремъ даннымъ: 1) высотѣ идеала, являющагося крайнимъ предѣломъ нравственныхъ стремлений, 2) интенсивности стремленій къ его достиженію и 3) его распространенности между членами общества. Чѣмъ идеаль выше, чѣмъ сильнѣе отдѣльныя личности стремятся къ его достиженію, и чѣмъ больше такихъ, проникнутыхъ идеальными стремленіями личностей, тѣмъ, въ итогѣ, выше и нравственное состояніе общества въ цѣломъ. Въ настоящее же время, какъ мы сказали, и самое понятіе о дружбѣ не столь возвышенно, какъ прежде, и образцовъ ея меньше, и даже самое стремленіе къ ней какъ будто значительно ослабѣло. „Другія слова“, заставляющія, какъ сказано въ началѣ этой главы, сильнѣе биться сердца современныхъ культурныхъ людей, слышатся въ проповѣдяхъ Ибсена, Ницше, ремонтированнаго Штирнера и въ разныхъ беллетристическихъ и лирическихъ ихъ отголоскахъ. Конечно, и эти призывы въ извѣстномъ смыслѣ весьма цѣнны, какъ смѣлое заявленіе правъ индивидуальности, энергичный и гордый протестъ противъ житейской пошлости и не разсуждающей стадности и (самое главное) какъ вполне законный коррективъ противъ переоцѣнки „соціальныхъ“ чувствъ и обязанностей человѣка; но мы полагаемъ, что вся эта эмансипація индивидуальности могла бы покупаться и не непременно цѣною „одиночества“, а достигаться (даже, можетъ быть, успѣшнѣе) и въ дружескомъ сообществѣ изоморфныхъ индивидуальностей (родственныхъ душъ). Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что дружба теперь, такъ сказать, „не въ модѣ“, должно быть зачтено въ пассивъ современной нравственности.

А пренебрегать такимъ недочетомъ нельзя ни съ какой точки зрѣнія, — даже, между прочимъ, и съ соціально-экономической (если ужъ нуженъ аргументъ, убѣдительный и для матеріалистически настроенныхъ людей нашего времени). Въ самомъ дѣлѣ, беремъ крайній моментъ соціально-экономической эволюціи, какъ она рисуется въ марксистской программѣ, — моментъ, когда почувствовавшіе свою силу и сплотившіеся представители труда экспроприруютъ капи-

талъ и всё условія производства изъ частныхъ рукъ (капиталистическихъ предпринимателей): гдѣ гарантіи, что тогда настанетъ безусловно справедливое соотношеніе между количествомъ труда и поступающими въ пользу труженника хозяйственными благами? Ниспровергнутая капиталистическая тираннія не можетъ ли довольно неожиданно замѣниться какимъ-либо эксплуататорскимъ комплотомъ, построеннымъ на какихъ-либо новыхъ, теперь едва ли предвидимыхъ, условіяхъ? Во внѣшнихъ условіяхъ человѣческой культуры и социальной эволюціи такихъ гарантій нѣтъ. Остается только вѣрить, что этого не случится только въ силу нравственной невозможности для людей будущаго еще разъ подмѣнить высокіе и благородные принципы „свободы, равенства и братства“ новой формой эксплуатаціи и порабощенія. А чтобы эта вѣра не оказалась суетной, человѣчество должно уже и теперь озабочиваться накопленіемъ солиднаго фонда „братскихъ“ чувствъ и навыковъ.

Разработка вопроса о дружбѣ и о возможно широкомъ распространеніи между людьми этой формы нравственной связи и должна служить цѣлямъ созданія такого „нравственнаго фонда“ для человѣческаго прогресса. Этой великой цѣли посвящаемъ и мы свой слабый трудъ о Шиллеровскомъ идеалѣ дружбы, побуждаемые къ тому, конечно, не тщеславной надеждой достигнуть въ данномъ отношеніи какого-либо замѣтнаго результата (такое притязаніе было бы крайне наивно), а единственно сознаниемъ важности предмета, обязывающей высказаться о немъ всякаго, кто имѣетъ что сказать.

Приступая къ своему предмету, мы заранѣе оговариваемся, что не думаемъ касаться личнаго опыта Шиллера, той роли, какую дружба играла въ его собственной жизни. Точно также не собираемся мы останавливаться и на подробномъ анализѣ другихъ произведеній Шиллера, кромѣ „Донъ Карлоса“; къ нимъ мы будемъ только иногда обращаться для дополненій, поясненій и т. п. сопоставленій съ матеріаломъ, находимымъ въ „Д. К.“;—подобнымъ образомъ мы дѣлаемъ ссылки, напр., на „Поруку“ и „Идеалы“. Съ другой стороны, съ тою же цѣлью болѣе точнаго и нагляднаго выясненія Шиллеровскихъ идей, мы будемъ иногда обращаться и къ

другимъ авторамъ, писавшимъ о дружбѣ, равно какъ и къ иного рода сопоставленіямъ — психологическимъ, философскимъ, филологическимъ и т. п. Свое изслѣдованіе мы называемъ „*философскимъ* комментариемъ“ къ „Донъ Карлосу“ потому, что главное вниманіе сосредоточиваемъ на психологической и этической конструкціи того идеала дружбы, который предносился поэту и воплощенъ имъ въ его герояхъ—Карлосъ и Позъ, а не останавливаемся на историко-литературной сторонѣ предмета.

Мы уже не разъ говорили, что въ настоящее время самое понятіе о дружбѣ не отличается точностью и ясностью. Естественно поэтому прежде всего спросить, какъ опредѣляется въ представленіи Шиллера это понятіе. Само собою понятно, что рѣчь идетъ не о логически построенномъ опредѣленіи,—такового мы въ „Донъ Карлосъ“ не найдемъ,—а о тѣхъ элементахъ, которые могутъ быть употреблены на построение опредѣленія. Мы должны уже сами отвлечь это опредѣленіе отъ отдѣльныхъ фразъ и изреченій Шиллеровскихъ героевъ.

Въ словахъ разныхъ европейскихъ языковъ, кромѣ русскаго, обозначающихъ понятіе дружбы, можно находить указаніе на то, что сущностью ея полагается взаимная любовь друзей. Греческое слово *philia*—„дружба“ происходитъ отъ глагола *phileo*—„люблю“, латинское *amicitia* (соотвѣтств. франц. *amitié* и итал. *amicizia*) отъ гл. *amare* (фр. *aimer*)—тоже. Точно также, напр., англійское *friendship* происходитъ отъ саяскр. корня *freon*, означающаго „любить“ (=to love), точно также и нѣмецкое—*Freund*, которое значитъ собственно „любящій“ (*ein Liebender*). ¹⁾ Поскольку здѣсь выразились идеи о сущности дружбы у народовъ, говорящихъ на указанныхъ языкахъ, постольку же и наоборотъ, самое словоупотребленіе

¹⁾ Въ духъ этого выразившагося въ языкѣ представленія прямо высказывается одинъ философскій писатель древности, трактовавшій вопросъ о дружбѣ, именно Цицеронъ въ своемъ сочиненіи „*Laelius sive de amicitia*“, с. VIII: „*Amor, ex quo amicitia nominata est, princeps est ad benevolentiam conjungendam*“. С. IX: „*Amicitiam non spe mercedis adducti, sed quod omnis ejus fructus in ipso amore inest, expetendam putamus*“. XIV: „*Non tam utilitas, parta per amicum, quam amici amor ipse delectat*“.

закрѣпляетъ въ сознаниі говорящихъ извѣстную идею. Такимъ образомъ, можно безошибочно утверждать, что обыкновенное, популярное представленіе западно-европейскихъ народовъ сущность дружбы сводитъ къ любви. Но это можно сказать и не объ однихъ только популярныхъ представленіяхъ. Точно также и философскія объясненія разсматриваемаго понятія обычно опредѣляютъ дружбу, какъ особый видъ любви ¹⁾. При этомъ въ качествѣ видоваго отличія отъ половой любви одни указываютъ то обстоятельство, что это—любовь между лицами одного пола, другіе — что она не стоитъ ни въ какой связи съ половыми особенностями.

Но что касается перваго отличительнаго признака (одинаковость пола), то, хотя для громаднаго числа случаевъ онъ дѣйствительно годится, тѣмъ не менѣе есть вѣскія основанія отказаться отъ пользованія имъ при опредѣленіи понятія дружбы. Такъ, во-1-хъ, противъ этого говорятъ примѣры дружбы между лицами разнаго пола. Правда, могутъ возражать, что примѣры эти не особенно многочисленны, и затѣмъ—относительно ихъ нельзя во всѣхъ случаяхъ имѣть полной увѣренности, была ли здѣсь только дружба, или ея именемъ прикрывалось иное чувство; но какъ бы то ни было, если бы безспорные примѣры этого рода и пришлось считать только единицами, они всетаки существуютъ, и логическое опредѣленіе общаго понятія дружбы не имѣетъ никакого права ихъ игнорировать ²⁾. И теоретическихъ основаній отвергать возможность дружбы между мужчиной и женщиной нѣтъ никакихъ. Пусть такая дружба будетъ очень близко граничить съ любовью,—между юношами и молодыми дѣвками это почти неизбѣжно, легко бываетъ и между мужчинами и дамами болѣе зрѣлаго возраста; пусть чистая

1) Такія опредѣленія мы находимъ въ философскихъ лексиконахъ. Вотъ, напр., у *J. M. Baldwin's* (*Dictionary of philosophy and psychology*. Vol. I. 1901. p. 396): „The relation of mutual benevolence or love between two or more persons who desire one another's society“. Подобнымъ же образомъ опредѣляется въ словаряхъ Томсона, Кирхнера (1 изд.), въ старинномъ—Круга и др. Здѣсь же можно сослаться еще на книгу Тейхмюллера—„*Ueber das Wesen der Liebe*“ (1879), нѣмецкіе курсы этики и т. п.

2) Много такихъ примѣровъ и соображеній по поводу ихъ можно найти въ книгѣ *Кирхнера* (*Fr. Kirchner*): „*Buch der Freundschaft*. Mit 53 Porträts 1891“.

духовная близость будетъ иногда омрачаться примѣсью физическаго влеченія; но вѣдь остается же вѣ силѣ та основная принадлежность этого отношенія, по которой сами заинтересованныя стороны сознательно называютъ его дружбой, а не любовью.—Во-2-хъ, еще болѣе говорить противъ опредѣленія дружбы, какъ любви между лицами одного пола, то соображеніе, что тогда подъ это понятіе подойдутъ и такія явленія, которыя едва ли кто согласится называть дружбой. Вѣдь одно представленіе о „гомосексуализмѣ“¹⁾, на сближеніе съ которымъ однако по своей внѣшней формѣ такъ сильно напрашивается разсматриваемое опредѣленіе дружбы, развертываетъ предъ нашимъ воображеніемъ достаточно отталкивающую картину, чтобы пропала всякая охота держаться такого опредѣленія. Но на самомъ дѣлѣ имъ создавалось бы не одно внѣшнее (терминологическое) сходство, а и по существу сглаживалась бы грань между возвышенными моральными явленіями дружбы и психопатологическими явленіями, имѣющими свой скрытый, а часто и совершенно явный корень въ половомъ инстинктѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь любовь, несомнѣнно, есть во всѣхъ этихъ эротическихъ экстравагантностяхъ, которыми такъ богата классическая древность²⁾ и которыя встрѣчаются и доселѣ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; онѣ имѣютъ массу отгѣнковъ, начиная съ невиннаго и робкаго „обожанія“, продолжая явленіями, по внѣшности сходными съ пылкой дружбой, но легко отличимыми отъ послѣдней по особенной страстности и жаднѣ физической близости, и оканчивая уже прямо гнустностью. Въ нашей литературѣ этотъ типъ любви хорошо изображенъ въ „Непочкѣ Незвановой“ Достоевскаго.

Второе опредѣленіе сущности дружбы,—какъ любви, не стоящей ни въ какой связи съ половыми особенностями,—грѣшитъ тѣмъ, что нарушаетъ основное требованіе логи-

1) Довольно неуклюже составленное изъ греческаго *δμός*; (тотъ же самъ) и латин. *sexus* (полъ)—слово „Homosexualismus“ (въ такой формѣ оно встрѣчается въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ) обозначаетъ протвоекественныя половыя сношенія лицъ одного пола.

2) Памятникомъ этого остались существующія и въ наше время названія: „аѳинская любовь (*amor atheniensis*)“—и „лесбоская любовь (*amor lesbicus*)“.

чески правильнаго опредѣленія: *ne sit negans*. Оно только вноситъ путаницу въ представленіе дѣла. Мало ли съ чѣмъ не стоитъ въ необходимой связи дружба? Алкоголизмъ, морфинизмъ, взяточничество, разстройство пищеваренія— все это по методу отрицательныхъ опредѣленій можно бы было поставить въ связь съ понятіемъ дружбы...

Гораздо ближе сущность дружбы выражается ея русскимъ названіемъ. Наше слово „*другъ*“, корень котораго—въ словѣ „*другой*“, значитъ *другой* „я“=*alter ego*. Въ этомъ понятіи, какъ въ зернѣ, даны всѣ признаки, какими на самомъ дѣлѣ характеризуется дружба. Они всѣ изъ него слѣдуютъ и притомъ—съ логической необходимостью. Выводъ этихъ признаковъ изъ даннаго понятія мы слѣдаемъ въ своемъ мѣстѣ ниже. Теперь же обратимся къ Шиллеру, что, собственно говоря, намъ уже давно пора сдѣлать. А упомянули мы здѣсь объ адекватности идеи, содержащейся въ русскомъ терминѣ, съ дѣйствительнымъ понятіемъ дружбы потому, что художественное изображеніе дружбы Шиллеромъ вполне укладывается въ схему, развиваемую изъ формулы *другъ=другой я*. Конечно, это—только счастливая случайность; но эта случайность очень лестна для нашего національнаго самолюбія.

Измученный внутренней борьбой и колебаніями между чувствомъ долга по отношенію къ отцу и любовью къ матери, принцъ Карлосъ спѣшитъ выплакать свое горе на груди своего друга (маркиза Позы) и здѣсь между прочимъ, въ отвѣтъ на ласку и нѣжность Позы, говоритъ:

„ О! если правда то,
 „Что говоритъ мнѣ сердце, если ты
 „Изъ милліоновъ созданъ, чтобъ понять
 „Меня; о! если правда, что природа,
 „*Родриго въ Карлѣ чудно повторила*
 „*И нашихъ души невидимыя струны*
 „*На утро дней настроила равно;*
 „Когда моя слеза тебѣ дороже
 „Всѣхъ милостей отцовскихъ“...

Поза, перебивая его, отвѣчаетъ:

„О! дороже,
 „Чѣмъ цѣлый свѣтъ!“ (Дѣйств. I, вых. 2) 1).

1) Цитируемъ по русскому переводу М. Достоевскаго (въ изданіи Брок-

Во II дѣйствиі, вых. 2, Карлосъ предлагаетъ отцу своему (Филиппу) стать для него другомъ и при этомъ такъ описываетъ сущность и проявленія дружеской связи:

- „Какъ сладко, хорошо въ душѣ прекрасной
 „Своя преобразжать! какъ сладко думать ¹⁾,
 „Что наша радость краситъ щеки друга,
 „Что наша грусть другую грудь сжимаетъ,
 „Что наша скорбь глаза другіе мочитъ.
 „Какъ сладко, хорошо, рука съ рукою,
 „Пройти съ своимъ многообѣтнымъ ²⁾ сыномъ
 „Въ другой разъ юности путемъ цвѣтущимъ,
 „Въ другой разъ съ нимъ прогрезить жизни сонъ!³⁾“

Какъ видимъ, здѣсь духовная жизнь друзей представляется совершенно общою: одинъ всецѣло понимаетъ другого, потому что есть его полное повтореніе, потому что любить его и дорожить имъ больше всего на свѣтѣ, радуется его радостями и скорбитъ его горемъ ³⁾. Вторая изъ приведенныхъ выдержекъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ ней слова Карлоса обращены не къ нѣжно любимому имъ Позъ,—въ каковомъ случаѣ они могли бы быть психологически истолкованы, какъ естественная гипербола, подсказанная горячей любовью,—а къ Филиппу, который ненавидитъ Карлоса и котораго послѣдній убѣждаетъ перемѣнить вражду на дружбу. Очевидно, въ данномъ случаѣ характеристика дружбы не отвлекается отъ дѣйствительныхъ отношеній между Филиппомъ и Карлосомъ, а дѣлается съ точки зрѣнія идеала.

Итакъ, существо дружбы Шеллеръ полагаетъ въ этическомъ отождествленіи одной личности съ другою. Еще яснѣе это будетъ для насъ, когда мы увидимъ,—въ слѣдую-

гаузъ-Ефрона, 1901, т. II, стр. 87—186). Подлинникъ, гдѣ оказывается нужнымъ, приводимъ по изданію: „Schillers sämtliche Werke in zwölf Bänden. III. Band. Stuttgart und Tübingen. J. G. Cotta'scher Verlag. 1847. SS. 133—134). Курсивъ здѣсь и вѣже—нашъ.

1) Въ подл. сильнѣе—„wissen“.

2) Въ подл. „vielgeliebten“.

3) Черты такого взгляда на дружбу можно находить и у Цицерона: „Quid dulcius, спрашиваетъ онъ, quam habere quocum omnia ut tecum audeas loqui? Ouis esset tantus fructus in prosperis rebus, nisi haberes, qui illis aequè ac tu ipse gauderet? Adversas vero ferre difficilior esset sine eo, qui illas gravius etiam, quam tu ferret“ (cap. VI).

щихъ главахъ, — что конкретное изображеніе отношеній Карлоса и Позы признаетъ и воспроизводитъ также и всѣ тѣ логическія слѣдствія, которыя могутъ быть выведены изъ этого основнаго представленія въ примѣненіи къ составу чувствъ, образующихъ дружеское настроеніе, и къ взаимнымъ нравственнымъ обязанностямъ друзей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Тихомировъ.
